

RICHARD H. THALER

NOBEL PRIZE IN ECONOMICS

MISBEHAVING:

THE MAKING OF BEHAVIORAL ECONOMICS

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Виктору Фуксу,

который дал мне год

на раздумье,

Эрику Ваннеру и Фонду Расселла Сейджа,

которые поддержали безумную идею.

А также:

Колину Камереру и Джорджу Левенштейну,

первым исследователям

иррационального поведения

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Часть I. Как все начиналось: 1970–1978 гг.	13
ГЛАВА 1. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО МАЛОЗНАЧИМЫЕ ФАКТОРЫ	15
ГЛАВА 2. ЭФФЕКТ ЭНДАУМЕНТА	23
ГЛАВА 3. СПИСОК	31
ГЛАВА 4. ТЕОРИЯ ПОЛЕЗНОСТИ	36
ГЛАВА 5. МЕЧТЫ О КАЛИФОРНИИ	46
ГЛАВА 6. «ПРОЙТИ СКВОЗЬ СТРОЙ»	53
Часть II. Ментальный учет: 1979–1985 гг.	65
ГЛАВА 7. СДЕЛКИ И ГРАБЕЖИ	67
ГЛАВА 8. НЕВОЗВРАТНЫЕ ИЗДЕРЖКИ	74
ГЛАВА 9. ВЕДРА И БЮДЖЕТЫ	84
ГЛАВА 10. ЗА ПОКЕРНЫМ СТОЛОМ	90
Часть III. Самоконтроль: 1975–1988 гг.	95
ГЛАВА 11. СИЛА ВОЛИ? БЕЗ ПРОБЛЕМ	97
ГЛАВА 12. СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ	110
Интерлюдия	123
ГЛАВА 13. ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ	125
Часть IV. Как я работал с Дэнни: 1984–1985 гг.	135
ГЛАВА 14. ЧТО СЧИТАЕТСЯ СПРАВЕДЛИВЫМ	137
ГЛАВА 15. ИГРЫ В СПРАВЕДЛИВОСТЬ	150
ГЛАВА 16. КОФЕЙНЫЕ КРУЖКИ	157

Часть V. Погружение в экономическую науку: 1986–1994 гг.	165
ГЛАВА 17. ДЕБАТЫ РАЗГОРАЮТСЯ	167
ГЛАВА 18. АНОМАЛИИ	177
ГЛАВА 19. ФОРМИРОВАНИЕ КОМАНДЫ	184
ГЛАВА 20. УЗКИЙ ФРЕЙМИНГ В ВЕРХНЕМ ИСТ-САЙДЕ	193
Часть VI. Финансы: 1983–2003 гг.	211
ГЛАВА 21. КОНКУРС КРАСОТЫ	213
ГЛАВА 22. РЫНОК СЛИШКОМ ОСТРО РЕАГИРУЕТ?	223
ГЛАВА 23. РЕАКЦИЯ НА ОСТРУЮ РЕАКЦИЮ	233
ГЛАВА 24. ЦЕНА НЕ КОРРЕКТНА	238
ГЛАВА 25. БИТВА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ ЗАКРЫТОГО ТИПА	246
ГЛАВА 26. ПЛОДОВЫЕ МУШКИ, АЙСБЕРГИ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КОТИРОВКИ	253
Часть VII. Добро пожаловать в Чикаго: 1995 г. — по настоящее время	263
ГЛАВА 27. ПОСТИГАЯ АЗЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ	265
ГЛАВА 28. ОФИСЫ	279
ГЛАВА 29. АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ	285
ГЛАВА 30. ИГРОВЫЕ ТЕЛЕШОУ	304
Часть VIII. Бихевиористы спешат на помощь: с 2004 г. — по настоящее время	315
ГЛАВА 31. ОТКЛАДЫВАЙ БОЛЬШЕ С КАЖДЫМ ДНЕМ	317
ГЛАВА 32. ВЫХОД В СВЕТ	332
ГЛАВА 33. ПОДТАЛКИВАНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ	339
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЧТО ДАЛЬШЕ?	355
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	367

Основа политической экономии, как и любой из социальных наук, — это, несомненно, психология. Может, однажды наступит день, когда мы будем способны вывести законы социальной науки из принципов психологии.

Вильфредо Парето, 1906

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПЕРЕД ТЕМ КАК МЫ НАЧНЕМ, ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ДВЕ ИСТОРИИ — о моем друге Даниэле Канемане и о моем наставнике Амосе Тверски. Эти истории дают представление о том, чего ожидать от данной книги.

УГОДИТЬ АМОСУ

Даже тем из нас, кто не может вспомнить, куда положил в прошлый раз ключи, жизнь дарит незабываемые моменты. Это могут быть общественно-значимые события. Если мы с вами примерно одного возраста, то таким событием может быть убийство Джона Кеннеди (в тот момент я учился на первом курсе колледжа, новость застала меня на баскетбольной площадке в спортзале). Для всех, кто достаточно взрослый, чтобы читать эту книгу, еще одним подобным событием может быть теракт 11 сентября 2001 года (я тогда только встал с постели и слушал Национальное общественное радио, пытаюсь осознать случившееся).

Незабываемые моменты могут быть связаны с личными событиями: от свадьбы до попадания в лунку с одного удара. Для меня особенным днем был день, когда позвонил Дэнни Канеман. Хотя мы довольно часто общаемся и сотни раз я говорил с ним по телефону, тот звонок я помню в деталях, вплоть до места, где тогда стоял. Это случилось в начале 1996 года. Дэнни позвонил, чтобы поделиться печальной новостью о том, что у Амоса Тверски последняя стадия рака и ему осталось жить около шести месяцев. Я был настолько ошарашен, что вынужден был передать трубку жене, чтобы прийти в себя.

Весть об умирающем друге всегда шокирует, но Амос Тверски был не такой человек, который может умереть в возрасте пятидесяти девяти

лет. Амос, чьи работы и выступления были всегда точны и безупречны, на чьем столе не было ничего, кроме блокнота и карандаша, не просто умирал.

Он держал свою болезнь в секрете, пока еще мог ходить на работу. Да и потом тоже — до самого последнего момента в курсе были только несколько человек. Нам не было позволено кому-либо об этом рассказывать, кроме своих жен, так что на протяжении пяти месяцев мы по очереди утешали друг друга, пока вынуждены были скрывать этот трагический факт.

Амос не хотел, чтобы о его болезни стало известно общественности, так как не желал в свои последние дни играть роль умирающего. Надо было закончить работу. Он и Дэнни решили выпустить книгу: собрание статей (своих и других авторов) в той области психологии, пионерами которой они стали — изучение суждений и принятия решений. Они назвали книгу «Рациональный выбор, ценности и фреймы».

Амос хотел заниматься тем, что любил: работать, проводить время с семьей, смотреть баскетбол. Ему не нужны были визиты с соболезнованиями, но «рабочие» визиты были разрешены, поэтому я пришел поведаться с ним примерно за шесть недель до его кончины под слабым предлогом обсудить финальный вариант нашей совместной статьи. Мы посвятили немного времени работе, а потом смотрели плей-офф Национальной баскетбольной ассоциации (НБА).

Амос проявлял мудрость во всем, что делал в своей жизни, и это распространилось и на его болезнь¹. Проконсультировавшись со специалистами из Стэнфорда о своих перспективах, он решил, что не стоит тратить последние месяцы своей жизни на бесполезное лечение, которое только ухудшит его самочувствие, добавив всего несколько недель. Он сумел сохранить острый ум. Он объяснил своему онкологу, что рак — это не игра с нулевым исходом: «То, что вредит моей опухоли, не обязательно приносит пользу мне». Однажды по телефону я спросил, как он себя чувствует, на что он ответил: «Знаешь, это забавно, но когда у тебя просто грипп, ты думаешь, что умираешь, а когда действительно умираешь, то чувствуешь себя вполне хорошо».

Амос скончался в июне, похороны состоялись в Пало Альто, Калифорния, где он жил со своей семьей. Сын Амоса Оуэн выступил на поминальной службе с короткой речью, зачитав записку, которую Амос написал ему за несколько дней до своей кончины:

---

¹ Пока Амос был жив, среди психологов ходила шутка, что он изобрел тест на уровень IQ, состоящий из одного задания: чем раньше ты поймешь, что он умнее тебя, тем выше твой интеллект.

Последние несколько дней я замечаю, что мы рассказываем друг другу смешные, забавные истории, с надеждой, что они запомнятся – хотя бы на некоторое время. Кажется, это давняя еврейская традиция – передавать историю и мудрость от одного поколения к другому не через лекции и учебники, а через анекдоты, забавные истории и шутки в тему.

После похорон все собрались в доме семьи Тверски на традиционную шиву. Было воскресенье, послеобеденное время. В какой-то момент некоторые из нас потихоньку переместились к телевизору, чтобы посмотреть окончание матча NBA плей-офф. Нам было немного неловко, но сын Амоса, Таль, разрядил обстановку: «Если бы Амос был здесь, он бы предложил поставить похороны на запись и смотреть в это время игру».

С первого дня знакомства с Амосом в 1977 году я постоянно применял один и тот же метод оценки каждой своей статьи: «А понравилось бы это Амосу?» Мой друг Эрик Джонсон, о котором речь пойдет ниже, может подтвердить, что одна из наших совместных статей не печаталась из-за этого три года, хотя уже была принята журналом к публикации. Редактор, рецензенты и Эрик – все были довольны результатом, но Амос видел один изъян, и я хотел его исправить. Я упорно возился со статьей, из-за чего бедный Эрик вынужден был подавать заявку на новую должность без ее упоминания в своем резюме. К счастью, у него было много других работ, так что эта задержка не стоила ему новой работы. В конце концов Амос был удовлетворен изменениями, внесенными в статью, и она вышла.

Когда я взялся за написание книги, то серьезно отнесся к словам Амоса из записки, которую зачитал Оуэн. Эта книга не из тех, что обычно пишут профессора экономики – она не научный трактат. Конечно, на этих страницах я буду ссылаться на результаты исследований, но кроме этого вы найдете здесь байки, смешные (надеюсь) истории и даже курьезные случаи.

ДЭННИ РАССКАЗЫВАЕТ ПРО МОИ ДОСТОИНСТВА

Как-то в 2001 году я гостил у Дэнни Канемана в Беркли. Мы сидели в гостиной, болтая о том о сем. Внезапно Дэнни вспомнил, что договорился о телефонном интервью с Роджером Левенштейном – корреспондентом, который писал статью для журнала *The New York Times* о моей работе. Роджер, будучи среди прочего автором известной книги «Когда гении ошибаются», естественно, хотел поговорить обо мне с моим старым другом Дэнни. Я оказался в затруднительном положении. Мне

лучше выйти из комнаты или остаться? «Оставайся, — сказал Дэнни, — может, будет даже весело».

Интервью началось. Слушать, как твой друг рассказывает о тебе байки — не самое интересное занятие, а слушать, как кто-то тебя хвалит, уж совсем неловко. Я взялся что-то читать и отвлекся, как вдруг услышал слова Дэнни: «Ну, самое лучшее качество Талера, которое действительно отличает его от других — это его лень».

”

Лень — мое единственное положительное качество.

Что? В самом деле? Я не стану отрицать, что бываю ленивым, но неужели Дэнни действительно считает, что лень — мое единственное положительное качество? Я начал махать руками и мотать головой что есть силы, но Дэнни продолжал говорить, превознося достоинства моей лени. И по сей день он утверждает, что это был комплимент. То, что я ленив, по его словам, означает, что я берусь работать только над теми вопросами, которые любопытны настолько, что могут пересилить мое нежелание работать. Только Дэнни мог вот так превратить мою лень в мое достоинство.

И вот у вас в руках эта книга. Прежде чем продолжить чтение, вы должны иметь в виду, что она написана сертифицированным лентяем. А это, как сказал Дэнни, означает, что я включил в нее только понастоящему интересные факты, по крайней мере, на мой взгляд.

Часть I

**Как все начиналось:
1970–1978 гг.**

ГЛАВА 1

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО МАЛОЗНАЧИМЫЕ ФАКТОРЫ

В НАЧАЛЕ СВОЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ КАРЬЕРЫ Я МОГ НЕНАРОКОМ настроить против себя студентов, посещавших мой курс по микроэкономике, и впервые это было вызвано вовсе не тем, что я сказал на занятии. Все случилось из-за промежуточного экзамена в середине семестра.

Я составил экзаменационный тест так, чтобы его результаты позволили разделить студентов на три группы: звезд, которые отлично усвоили материал, середнячков, которые уловили только основные понятия, и отстающих, которые ничего не поняли. Для этого я включил в него вопросы, на которые могли ответить только лучшие студенты, т.е. тест был сложным. Результаты экзамена показали, что я добился своей цели — получился широкий разброс оценок, — но студенты, увидев их, подняли шум. Основная их претензия состояла в том, что среднее количество баллов, которое им удалось набрать, было всего 72 при максимально возможных 100.

Непонятым в этой реакции для меня было то, что среднее количество баллов никак не влияло на распределение оценок. Стандартной была шкала оценок, где среднее количество баллов соответствовало оценкам «4» и «4+», при этом совсем небольшое число студентов получали оценку ниже «3». Я предположил, что низкое значение среднего балла может быть интерпретировано в этом смысле неправильно, поэтому объяснил студентам, как полученные ими баллы будут переведены в оценки: кто набрал более 80 баллов, получают «5» или «5-»; кто набрал больше 65 баллов, получают «4», «4+» или «4-»; и только те, чей результат оказался менее 50 баллов, действительно могли получить оценку ниже «3». Такое распределение оценок ничем не отличалось от стандартного, однако это не произвело никакого эффекта на студентов — они все еще негодовали по поводу экзамена и ко мне относились соответственно. Будучи молодым профессором, который не хочет терять работу, я был готов что-то предпринять для спасения ситуации, но не хотел упрощать ради этого составленные тесты. Как же быть?

Наконец у меня родилась идея. Для следующего экзамена я составил тест, в котором максимальное количество баллов было равно 137,